

— Ну, ладно, — сердато сказалъ Илья Петровичъ: — говори, что тамъ за пѣсня. — Онъ раскрылъ свою книжку.

Мокѣй крикнулъ и плутовато улыбнулся.

— Пиши, — вымолвилъ онъ, — пиши...

Купилъ, Паша, двѣ бутылки,
Одна—пиво, другой—ромъ,
Давай съ тобой разопьемъ,
Бутылочки разобьемъ...

Э-ихъ, будемъ пить и кутить—

Намъ немножко съ тобой жить.

Тебя, миленокъ, женить...

— Да ты, чегожь, не пишешь?—вдругъ спросилъ онъ.

Но Тутолминъ въ негодованіи захлопнулъ книжку и плюнулъ.

— Черти вы!—рѣшительно воскликнулъ онъ: — мало васъ, чертей, дурачать!.. Я тебѣ не только четвертакъ — пятака не дамъ за этакую пѣсню!

— О? ай не хороша? — въ наивномъ удивленіи вымолвилъ Мокѣй, и тотчасъ же прибавилъ въ примирительномъ тонѣ: — а не хороша и шуты съ ней!.. Эй, вы, размилашки! — и онъ весело замахалъ на лошадей.

А Илья Петровичъ долго не могъ успокоиться. Онъ и прежде выслушивалъ подобныя пѣсни въ страшной досадѣ, эта же «пѣсня-пѣсней» какъ-то особенно взволновала его. «Вѣдь переняли же эдакую гадость!—восклидалъ онъ, — а старыя пѣсни не перенимаютъ... Такъ и вымираютъ старыя пѣсни, и глохнутъ безслѣдно»...—И онъ погрузился въ прискорбныя размышленія.

Мокѣй тоже думалъ, но о чемъ, неизвестно, и только послѣ долгаго перерыва, онъ мотнулъ головою, и опять обратился къ Илью Петровичу.

— А что, Петровичъ, барышня эта покойница... какъ ты полагаешь?—онъ вопросительно посмотрѣлъ на Тутолмина.

— Что полагать-то?—съ неохотой отвѣтилъ тотъ.

— Помнишь, ты приходилъ-то съ ней.

— Ну?

Мокѣй рѣшительно тряхнулъ волосами.

— Я такъ полагаю—она изъ блаженныхъ, — произнесъ онъ и ловко стегнулъ коренника подъ сѣделку.

— Какъ это изъ блаженныхъ?—угрюмо освѣдомился Илья Петровичъ.

— А изъ блаженныхъ. Вотъ блаженные бываютъ, которые...

Тутолминъ хотѣлъ-было что-то отвѣтить, но посмотрѣлъ въ